

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Международное гуманитарное право и русский консерватизм

*Карцов А.С.**

Своеобразие ответа, который давался русской консервативной мыслью на вопрос о диапазоне возможностей правовых средств в деле упорядочения международных отношений, пожалуй, контрастней всего обозначилось в подходе представителей данной идейной традиции к проблеме правового регулирования вооруженных конфликтов.

Как известно, развитие международного гуманитарного права во многом стимулировали получившие значительное распространение во второй половине XIX – начале XX века идеи всеобщего разоружения, договора о ненападении, охватывающего все государства, и т.д. В их основе лежала та или иная вариация философии пацифизма, осмысливавшей любые войны в качестве противоестественного для социума состояния, с которым человечество должно и может окончательно покончить в самые краткие сроки.

Между тем вся совокупность социологических, культурологических и антропологических представлений, к которым восходило консервативное правопонимание, не позволяла его выразителям разделить приобретающие все большее хождение пацифистские настроения. «Мы глубоко и искренне желали бы, чтобы международное право, устанавливающее отношение одного государства к другому, стало общим

* Карцов Алексей Сергеевич – к. полит. н., к. филос. н., к. ист. н., доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; докторант кафедры истории государства и права Московской государственной юридической академии.

сводом законов, одинаково обязательным для всех государств в мире, выкинув из своего состава все пункты, говорящие о правилах войны. Однако мы не верим, чтобы эта идеальная эпоха наступила. Мы не верим, что человек мог стать идеалом. Мы не верим в возможность уничтожения зла и в возможность существования добра без зла»¹.

Слабая вера консерваторов в возможность всеобщего мира, упрощаемого исключительно правовыми средствами, имела под собой глубинные мировоззренческие и, можно сказать, онтологические основания. Оттого каждое новое сочинение – научное ли, публицистическое ли, – проповедующее осуществимость полного прекращения военных столкновений, вызывало волну консервативной критики. Война, утверждали консерваторы, уходит корнями в природу человека и, к сожалению, является «неизбежным фактором мирового развития». Как свидетельствует история, все надежды на «вечный мир» и «братство народа» принадлежат к разряду благих мечтаний². Кроме того, нельзя экстраполировать на уровень международных отношений свойства, которыми наделено национальное право. «Проповедники «вечного мира» обыкновенно ссылаются на аналогию разрешения частных споров внутри государства не насилием, а мирным судом. Они забывают, что частные лица подчиняются невыгодным для них судебным приговорам не добровольно, а потому, что физически вынуждены, имея против себя всеподавляющую вооруженную силу государства. При столкновении же государств такой высшей могущественной вооруженной силы над спорящими государствами нет и быть не может, а потому никто не в состоянии лишить государства права отстаивать всей собственной силой свои жизненные интересы, коль скоро они нарушены другим государством»³.

¹ Объединение. 1907. № 30. С. 1.

² <N.> Эмиль Золя о всеобщем разоружении // Московские ведомости. 1896. № 159. С. 4; <N.> Идея мира // Московские ведомости. 1898. № 282. С. 5; Симанский. Будущая война // Московские ведомости. 1898. №№ 163, 164, 170, 184, 186, 188; Утопия «вечного мира» // Московские ведомости. 1899. № 125. С. 5; Казанский А. Идеалы и действительность // Московские ведомости. 1898. № 239. С. 2; Наши иллюзии // Московские ведомости. 1900. № 187. С. 1; <А.К.> Трезвое слово // Московские ведомости. 1901. № 267 С. 4; Семенов Ф. Можно ли воевать? С приложением статьи гр. Л.Н. Толстого «О приближении конца войны». СПб., 1901; Ср.: Камаровский Л.А., проф. Успехи идеи мира. М., 1898; Блиох И. Будущее войн. СПб., 1897; <А.> // Новое время. 1899. № 8326.

³ <Spectator.> «Вечный мир» // Московские ведомости. 1904. № 52. С.2.

Оттого, несмотря на то что философа Владимира Соловьева ввиду противоречивости отличающих его творчество идейных исканий трудно отнести к собственно консервативным мыслителям, сами консерваторы высоко ценили его выступления против пацифистских теорий, наиболее популярной из которых на русской почве стало толстовство. В частности, эссе «Смысл войны», показавшее нравственную мотивированность войны как схватки добра со злом и тем самым обосновавшее значение и неизбежность силовых методов, применяемых государством в борьбе со злом⁴.

Порой несогласие с пацифистскими проектами, намеревающимися претворить в жизнь при помощи права принципиально нереализуемое, доходило едва ли не до апологии военных столкновений: «Не будет внешних войн, будут бесконечные внутренние междоусобицы. Внешние войны способствуют возвышению и сплочению народа»⁵. И хотя подобные эскапады социал-дарвинистского и ницшеанского окраса были, скорее, единичны, чем типичны, все консерваторы были убеждены как в том, что война есть зло не абсолютное, но необходимое, так и в химеричности вследствие этого планов всеобщего разоружения. Тем более, с их точки зрения, несбыточной идея «вечного мира» представляла в условиях расколота на военные альянсы Европы рубежа XIX–XX веков.

Отдавая должное возвышенности упований на благоденствие отказавшегося от войн человечества, консерваторы, тем не менее, считали, что государственные деятели, в отличие от философов и кабинетных теоретиков, не могут позволить своему воображению плениться картиной всеобщего мира. Оттого в череде Гаагских конференций они, помимо положительных моментов, распознали рискованную попытку утвердить нормативными средствами желаемое, не способное стать действительным. «Слабость никогда не будет в состоянии предписать свои правила силе, а сила всегда будет презирать слабость. Это закон жизни. Зачем же делать из прекрасного, но утопического голубя мира глупую ворону в павлиньих перьях?»⁶ В этой связи куда более практичным представлялось соображение Д.И. Менделеева о том, что войны

⁴ См.: Соловьев Вл. Смысл войны // Нива. Ежемесячное литературное приложение. 1895. № 7; Николаев Ю. Что такое война // Московские ведомости. 1895. № 253. С. 3; Шевелев А. Одна из заслуг Вл. Соловьева // Московские ведомости. 1900. № 219. С. 4.

⁵ Глинка С. Долой войну! // Вестник Русского Собрания. 1911. № 25. С. 2–5.

⁶ <Б.С.> Комедия или конференция? // Русская земля. 1907. № 432. С. 2.

прекратятся лишь тогда, когда разрушения, производимые ими, будут аналогичны последствиям землетрясения: «Следует изучать взрывчатые вещества, чтобы ужас, вызываемый самой возможностью войны, был бы не меньше ужаса перед природными катастрофами»⁷.

Сказанное не исключало благожелательности в отношении отдельных международных соглашений, регламентирующих вооруженные конфликты. Например, конвенции, установившие правила ведения сухопутной войны, были найдены вполне сочетающимися с «духом православия». Но и в этих случаях пояснялось, что, даже будучи ратифицированными, эти соглашения должны соблюдаться постольку, поскольку они не вступают в противоречие с чтимыми русским народом высшими ценностями⁸.

Вообще, не слишком доверяя регулятивным возможностям международного публичного права в целом, консервативное правопонимание с соответствующими установками подходило и к международному гуманитарному праву. У добровольно принятых государствами в мирное время ограничений, устанавливающих допустимые методы ведения военных действий и допустимые виды оружия, полагали консерваторы, немного шансов выдержать испытания боевой обстановкой.

К тому же их не оставляло беспокойство, что обязательства, принимаемые на себя Россией в рамках международного гуманитарного права, могут быть в конечном счете использованы против нее. Непозволительно пренебрегать применением тех или иных боевых средств, если тем самым отчасти могла быть компенсирована общая военная слабость России, отчетливо осознаваемая консерваторами. «Залечат ли в Гааге раны тех русских солдат, которых расстреливали под Красным флагом в Порт-Артуре? Обеспечат ли нам такие «нормы», при которых мы, ослабленные и израненные, могли бы настаивать на соблюдении бессовестными врагами тех законов, которые сочинил проф. Мартенс? Обеспечат ли нас от того, что западные (и восточные) «друзья» не навяжут

⁷ Объединение. 1907. № 30. С.1.

⁸ См.: Виноградов А.Т. Миролюбие России // Русский вестник. 1901. Декабрь. С. 531–542. Напротив, либеральные правоведы даже в канун I мировой войны, когда, казалось бы, подтверждались самые худшие предположения консерваторов насчет истинного значения международно-правовых договоров, оставались верны убеждению, что, невзирая на превратности внешнеполитической ситуации, возможности права в деле регулирования межгосударственных отношений и поддержания международной безопасности действительно велики. См., напр.: Покровский И.А. Сила или право // Юридический вестник. 1914. № 7/8.

нам таких правил, которые окончательно свяжут нам руки?! Стыдно за наших дипломатов!»⁹ С другой стороны, консерваторы отдавали себе отчет и в том, что, несмотря на формальное равенство участников международных переговоров, всегда были, есть и будут государства, оказывающие гораздо большее в сравнении с остальными воздействие на ход и итоги переговоров. Но для этого они должны обладать соответствующей экономической и политической мощью. То есть тем, чего России 2-й половины XIX – начала XX века, как правило, недоставало. «Не предусмотрительнее ли было сначала дать окрепнуть России, что придало бы больший вес ее слову, а потом уже собирать конференцию мира (которая, в сущности, представляет такую же утопию, как социализм с его отрицанием собственности)?!»¹⁰ Иногда и созыв Гаагской конференции, и сама идея вечного мира интерпретировались в явно конспирологическом ключе как вдохновленные некими могущественными теневыми силами в целях обессиливания государств, стоящих на страже национальной традиции. В этом свете усилия российских дипломатов и юристов-экспертов по достижению соответствующих договоренностей расценивались как потворство возможным врагам России в надвигающейся войне. «Мы связываем себя как Дон-Кихоты этой <Гаагской. – А.К.> конференцией по рукам и ногам, соблюдая нерушимо – *a la* Мартенс – всякие идейные принципы, выработанные при содействии этого «международного профессора», этого безжизненного справочного лексикона по международному праву. Напротив, прочие державы не стесняются нарушением этих принципов всякий раз, когда они мешают их дипломатическому или военному успеху»¹¹.

Вообще видный русский юрист-международник, профессор Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Мартенс часто оказывался объектом персональной критики со стороны консерваторов. Признавая научные заслуги человека, заложившего основы изучения международного гуманитарного права в России, они предъявляли серьезные претензии к его действиям в качестве представителя России на международных конгрессах и конференциях (многие из которых завершались заключением договоров, конвенций и иных актов правового характера)¹².

⁹ <Ред. ст. Б/н. > // Свет. 1907. № 77. С.1.

¹⁰ Дрозд-Бонячевский Влад. За мирной работой // Русское знамя. 1907. № 19. С. 2.

¹¹ Глинка С. Откуда дует ветер // Земщина. 1911. № 688. С. 2.

¹² Ср., напр.: Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1., СПб., 1882. <рецензия> // Московские ведомости. 1882. № 122. С. 5.

«Может быть, Мартенс и очень ученый человек, но он не государственный человек», – таково, наверное, самое мягкое из замечаний, адресуемых юристу и дипломату. Более чем негативное впечатление произвела оброненная Мартенсом фраза по поводу того, что «формальное объявление войны не представляется ныне необходимым в случае серьезных столкновений между цивилизованными народами». Поскольку это мнение было обнародовано в самом начале русско-японской войны, постольку оно было воспринято как обеление «предательского образа действий Японии», как известно, напавшей на Россию без объявления войны. В данном случае консерваторы в известном смысле отступили от своих представлений о несоизмеримости международных и внутригосударственных отношений (не позволяющей проводить параллель между национальным и международным правопорядком). «Формальное, гласное объявление требуется вообще во всех актах межчеловеческих отношений. Формально объявляется о покупке и продаже недвижимости, о заключении и расторжении брака или какого-либо договора. Как же не требовать формального объявления о том, что между двумя народами имеет место произойти столь важная перемена отношений как переход от мира к войне? Как можно заменить это каким-то внутренним убеждением одного из противников? Что сказал бы проф. Мартенс о нарушении контракта «по внутреннему убеждению» одного из заключивших его лиц, что контракт не стоит больше соблюдать?! Народы и правительства признавали всегда необходимость открытого объявления войны». Спустя некоторое время деятельность Ф.Ф. Мартенса вновь оказалась под прицелом консервативной критики. На этот раз в связи с подтверждением запрета каперства, состоявшимся как раз на том заседании Гаагской конференции, где председательствовал делегат от России Ф.Ф. Мартенс¹³.

¹³ Хозарский А. Право пиратов (посвящаю моему бывшему профессору Мартенсу) // Московские ведомости. 1904. № 93. С. 4; Формальность объявления войны // Московские ведомости. 1904. № 68. С. 2; Бутурлин С.С. Этого только не доставало! // Московские ведомости. 1907. № 160. С. 5. Впрочем, по одному вопросу Ф.Ф. Мартенс был целиком поддержан консерваторами – когда на лекции, прочитанной в Санкт-Петербургском университете, предложил прибавить почетное наименование «Миротворец» к имени почившего императора Александра III. В большинстве своем консерваторы опасались, что любая война, в которую Россия окажется втянутой, усугубит заметные и в мирное время кризисные явления, приведя в итоге не только к крушению тысячелетней монархии, но и к ликвидации единой национальной государственности. Оттого ими столь высоко ценился внешнеполитический курс Александра III, царствование которого было

Своеобразие, отличающее консервативный подход к международно-правовому регулированию вооруженных конфликтов, отчетливо проявилось в ходе вспыхнувшей в 1903–1904 годах дискуссии о каперстве. Обсуждалась допустимость нападения морских судов, принадлежащих частным лицам, на суда государства, с которым государство флага находится в состоянии войны (при условии получения «каперского билета», т.е. специального разрешения от государства флага).

По настоянию ведущей морской державы того времени – Англии – каперство было запрещено (п. 1 «Декларации о морской войне», принятой на Парижском мирном конгрессе 1856 года)¹⁴. Однако в канун столкновения с Японией, чему предшествовало серьезное ухудшение русско-английских отношений, консерваторы предложили обсудить целесообразность для России соблюдения этого запрета. По их мнению, каперство оставалось одной из немногих возможностей «наказать англичан, легко нарушающих свои международные обязанности <...> глупо позволять себя бить и не стараться защититься от сильнейшего противника, хотя бы орудие защиты и было «не международно» <...> в частной жизни – слабейший обиженный всегда может найти защиту хоть в том же законе, а здесь если и настанет суд, то пойдут разные увертки и словоизлияния, а в результате – ничего или признание, что Англия была не совсем корректна»¹⁵. Если, утверждали консерваторы, рассматривать право государства на обеспечение своей безопасности, в том числе от внешних угроз, как право естественное, т.е. высшее по отношению к любым позитивным установлениям, следует признать, что «каперство есть законная защита, каковы бы ни были положения международного права».

Вообще вопрос о каперстве, как казалось консерваторам, наглядно выявлял все подводные рифы международного гуманитарного права. «Дипломаты в своей несбыточной надежде создать благополучие международным правом уничтожили каперство. Мы же, всегда, при всяких международных переговорах старавшиеся щегольнуть своей «гуманностью» и «европеизмом», не только не протестовали против покушения на наши исконные способы ведения войны, но и старались

самым длительным за всю предшествовавшую историю России мирным периодом. См.: Лекция проф. Мартенса // Московские ведомости. 1894. № 304. С. 4–5.

¹⁴ См.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб. 1909. Т. XII.

¹⁵ <Черноморец.> Что такое война с Японией? // Московские ведомости. 1904. № 11. С. 2; № 15. С. 2; № 20. С. 2.

доказать, что и войну ту самую «презираем». Презирать войну всякий может сколько ему угодно, но никто обладающий здравым умом и твердой памятью не вправе отказаться от способа защиты своего Отечества. Таким способом и является для нас каперство – лучшая защита для нашего слабого флота. Война – везде война, ведется ли она на море или на суше. Если на суше существует право опустошать неприятельскую землю, лишать врага доставки провианта, военного материала и т.п., то почему же запрещается то же на море? Запрещая каперство, международное право позволяет сильнейшему флоту разгромить слабейший. Где же тут справедливость? Вот уж поистине *summum jus summa injuria!*»¹⁶ Напротив, по мнению консерваторов, если не удалось узаконить на международном уровне каперство как одно из проявлений неотъемлемого права государства на необходимую оборону, то в любом случае России не стоило обременять себя подрывающими собственную обороноспособность обязательствами.

Когда Россия в лице императора Николая II предложила созыв международной конференции в целях подготовки многостороннего договора по сокращению «тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений», консерваторы оказались в довольно щекотливом положении. С одной стороны, они не могли прямо осудить монарший призыв, с другой – мало верили в то, что рыцарское намерение установить господство права над силой согласуется с самим существом международных отношений. Поэтому при открытии Гаагской конференции они поддержали желательность того, что если «не в девятнадцатом веке, так в двадцатом, Право и Правда должны стать основой не русской только, но и мировой политики», а также слова министра иностранных дел принимающей стороны о том, что «если право и справедливость достаточно сильны, чтобы защитить такой маленький слабый народ, как голландцы против несправедливости сильных мира сего, то тем более они могут оказать могущественную поддержку сильным государствам, которые признают их и будут подчиняться им». Позволено было лишь осторожное замечание: «Потребуется время для того, чтобы привыкнуть к мысли о возможности миролюбивого решения международных недоразумений». После того как форум в Гааге закончил свою работу, консерваторы, стараясь не задеть царского престижа, так ответили на вопрос, отчего его успехи оказались гораздо скромнее ожидаемых:

¹⁶ <Черноморец.> Si vis pacem, para bellum // Московские ведомости. 1903. № 73. С. 2; Морская война и «человеколюбие» Англии // Земщина. 1911. № 533. С. 2.

«Западное человечество, просвещенное и культурное, еще так далеко от практического применения благородных идей, внушаемых Евангелием. Для него грубая сила все еще идет впереди права, ветхозаветное «око за око», «зуб за зуб» важнее христовой заповеди о любви к ближнему как к самому себе. Западному человечеству международный суд понятен и внушитель, лишь если за спиной суда стоит сила, способная отбить всякую охоту померяться с ней. А русское предложение звало жить по правде и совести. Это слишком идеально, слишком новозаветно. Здесь не Моисей с его суровыми законами, здесь – Бог любви и правды. Отсюда истекают различные возражения и оговорки в ответ на русское предложение о Красном Кресте и Третьей суде»¹⁷. Иначе говоря, прекраснодушный отрыв от реалий, сулит неудачу либо уже на стадии принятия международно-правовых норм, либо на стадии их исполнения.

События Первой мировой войны, равно как и непосредственно предшествовавших ей малых войн начала XX столетия, надо сказать, подтвердили многие из пессимистических предположений консерваторов. «Давно ли раздавались восторженные крики «Свобода! Равенство! Братство!» А где это равенство, где братство? Давно ли в блестящем дворце Гаагской конференции заседали посланцы всех великих и малых государств земного шара? А где теперь постановления мирной Гаагской конференции? Они разорваны, они затоптаны, они залиты кровью», – резюмирует один из идеологов дореволюционного консерватизма два года спустя после начала Первой мировой войны. Недавно принятые нормы мало интересовали и участников менее значительных столкновений. Так, во время итало-турецкой войны (1911) итальянцы применяли конвенционно запрещенный сброс взрывчатых веществ с аэропланов. В координатах консервативного правопонимания «такое вольное обращение с нормами международного права лишний раз подтверждает, что гуманитарные мечты разлетаются на войне в прах»¹⁸.

Тем не менее консерваторам было все же безразлично, кто именно из воюющих виновен в несоблюдении установленных норм. В частности, предлагалось взыскать громадную контрибуцию

¹⁷ <Редакционная статья, б/н.> // Свет. 1898. № 218. С. 1; № 221. С.1; <Редакционная статья, б/н.> // Свет. 1899. № 127. С. 1; <Редакционная статья, б/н.> Свет. 1899. № 189. С. 1.

¹⁸ Итальянцы и международное право // Земщина. 1911. № 814. С.3; Булацель П.Ф. Дневники // Российский гражданин. 1916. № 34. С. 8.

с Германии – не только в порядке возмещения прямых убытков, но и в порядке «штрафа» за грубое нарушение требований международного гуманитарного права (жесткое обращение с ранеными и больными военнопленными, употребление разрывных пуль и пр.). В качестве же ответных мер полагались допустимыми репрессалии, не скованные уже имеющимися ограничениями. На такие акты возмездия, по мысли консерваторов, не должны распространяться действующие международно-правовые запреты. «К величайшему сожалению, в настоящей европейской войне не международные нормы защищают жизнь и имущество честных граждан, а всего лишь грубая сила. Поскольку же с Германией бесплодны всякие дипломатические переговоры, возникает сложный вопрос о законности репрессалий, в результате чего мы, по всем вероятностям, заблудимся в юридическом лабиринте всевозможных норм и противоречивых их толкований»¹⁹.

Заметим: у консерваторов не вызывало сомнений то, что принцип взаимности является залогом справедливых международных отношений. В случаях же нарушения международного права вообще, и международного гуманитарного права в особенности, принцип взаимности толковался как одно из звеньев механизма ответственности. Такой подход, указывали консерваторы, находится в полном соответствии с бытующим в народе понятием о справедливости. Когда Япония, воюя с Россией, в одностороннем порядке отказалась придерживаться положений международного гуманитарного права, для консервативного правопонимания «оставался выход крайне нежелательный, но, пожалуй, неизбежный в борьбе с японцами, не признающими международное право, – и нам самим меньше считаться с ним <...> «долг платежом красен» – говорит наш многомиллионный народ». Та же позиция с еще большей твердостью обосновывалась в период Первой мировой войны. «В основе всего международного права лежит общий принцип: оно применяется лишь на началах взаимности и лишь по отношению к полноправным членам международного сообщества. Германия своими преступлениями, совершенными в ходе войны, добровольно отказалась быть членом международного сообщества. Мы не являемся сторонниками английских судов, выносящих приговоры против императора Вильгельма II, ибо таковые являются логической бессмыслицей с точки зрения государственного права всех культурных народов.

¹⁹ Великая освободительная война и задачи внешней политики // Кремль Иловыйского. 1914. № 56–58. С. 1–2.

Но мы утверждаем, что противники Германии во время войны с ней не обязаны считаться с целым рядом норм международного права, уже нарушенных Германией. Подобный образ действий диктуется не только чувством самосохранения, но и тем принципом, что международное право применяется только по отношению к субъекту, его соблюдающему. Конечно, это не значит, что по отношению к Германии все дозволено. Во-первых, в отношении Германии действие норм международного права не отменено, а временно приостановлено. Во-вторых, остаются еще правила общехристианской морали, от соблюдения которых мы никогда не откажемся». Те же мотивы заставляли выступать против «недопустимой предупредительности, проявляемой к германским и австрийским пленным». Не вытекая ни из международных обязательств России, ни из неписаных императивов, непрременных для государства, считающего себя христианским, такое обхождение в глазах консерваторов являлось производным от превратно понятых идей гуманности, расходящимся с народными представлениями об истинном человеколюбии. Поэтому теперь, в пору грозных испытаний, «не время внушать народу те или иные воззрения на гуманность, но надо считаться с его воззрениями»²⁰.

Заслуживает внимания, что в приведенных суждениях моральные нормы трактуются как обладающие более узким объемом, чем нормы юридические. Иными словами, в отличие от ограничений воспринимаемого «минимумом морали» права внутреннего, ограничения, устанавливаемые правом международным, выходят за пределы значимых для консервативного правопонимания требований христианской морали. А потому соблюдение/несоблюдение таких ограничений может быть полностью подчинено принципу взаимности. В жестоких методах ведения войны, применяемых германским командованием, для консерваторов предосудительным было не столько само по себе посягательство на нормы международного права, «ибо кто только его не нарушал, но непростительное попрание законов Божеских и человеческой гуманности». Заглядывая же в послевоенное будущее, они предсказывали: «Без морального и религиозного воспитания народов международное право останется всегда пустой формальностью»²¹.

²⁰ Япония и международное право // Московские ведомости. 1904. № 217. С. 4; Глинка С. Не угашайте духа // Земщина. 1914. № 1773. С. 3; Пологин Н. Существует ли международное право? // Голос Руси. 1916. № 738. С. 1.

²¹ Пологин Н. Морское право и европейская война // Голос Руси. 1916. № 732. С. 1.

Вместе с тем немало консерваторов полагало, что в любом случае возможные репрессалии не должны расшатывать устои государственности и идти вразрез с основными принципами правового устройства. Они осуждали прокатившиеся по Российской империи в первые месяцы после начала войны погромы имущества, принадлежащего подданным вражеских государств. Не нашло также полной поддержки и решение Общего собрания Правительствующего Сената от 9 февраля 1915 года, отказывающее подданным воюющих с Россией держав в праве на судебную защиту. «Не могу разобраться в этом постановлении – признавался, например, видный консервативный эссеист М.О. Меньшиков, – ведь судебная защита есть долг государства по отношению ко всем (и даже преступникам), пребывающим на государственной территории. Нельзя ни на одно мгновение ставить вне закона ни одну человеческую душу, ибо закон государственный осуществляет более высший и ни на одно мгновение не отменяемый закон нравственный. Отказ в судебной защите есть безнаказанное допущение преступлений – вещь, отрицающая государственность в самом корне. Обиженный иностранец, находящийся у нас и, стало быть, лично с нами не воюющий, должен быть отмщен, поскольку дело тут вовсе не в иностранце, а в обиде и в обидчике, которые не должны быть терпимы. Другое дело – иностранные подданные, находящиеся сейчас у себя дома. Здесь война разрушает всякие договоры и всякое право, кроме общепринятых обычаев войны»²². Государства нет без правосудия – этот постулат, с консервативной точки зрения, необходимо ограничивал и размер, и формы налагаемых репрессалий.

С одной стороны, на протяжении всего периода становления международного гуманитарного права (последняя треть XIX – первая четверть XX века) консервативный подход к нему изменился сравнительно мало. Еще в 1881 году, откликаясь на полемический обмен мнениями, состоявшийся на страницах авторитетного *Revue de droit international* между начальником германского Генерального штаба Гельмутом Мольтке и вице-президентом Института международного права, известным юристом Иоганном Блюнчли, издаваемые идеологом пореформенного консерватизма М.Н. Катковым «Московские ведомости» признали более реалистичным указание прусского стратега на почти непреодолимые затруднения, встающие на пути международной кодификации

²² Меньшиков М. Из дневника // Голос Руси. 1915. № 394. С. 3. Ср.: Яблочков Т. Патриотизм в правосудии // Вестник права. 1915. № 8. С. 235–236.

«законов войны» и еще большие сложности, сопряженные с соблюдением такого кодекса. Полвека спустя в схожей тональности «Двуглавый орел», печатный орган правого крыла эмиграции, отзовется о попытках воспрепятствовать на международном уровне применению химического оружия: «Бесконечна права Лига Наций в своем стремлении запретить пользование газами, но «суждены ей благие порывы», но совершенно ничего не дано»²³.

С другой стороны, консерваторы признавали, например, необходимость конвенции по военной контрабанде, «ибо нельзя спорить о международном праве, если нет международного обязательства»; порицали Англию за грубейшие нарушения международного права в ходе войны с бурами; требовали заставить Германию соблюдать законы войны, а сразу же по окончании Первой мировой войны рекомендовали «приступить к пересмотру действующего международного права, поскольку весьма желательно было бы найти и более действенные способы для принуждения отдельных государств к соблюдению норм, иной раз и противоречащих их интересам»²⁴. Их радовали и практические успехи, достигнутые в рамках международного гуманитарного права. В связи с распространением положений Женевской конвенции на морскую войну (1907) «Московские ведомости» писали: «Конференция доказала, что она способна выполнять свою главную задачу — разработку международного права в том направлении, чтобы заставить государства руководиться в своих международных сношениях не столько силой, сколько правдой»²⁵. Приветствуя свершившиеся достижения международного гуманитарного права, консерваторы защищали их от нападок наиболее упорных «староверов». Так, отзываясь на выход в свет труда, посвященного правовому регулированию вооруженных конфликтов, «Московские ведомости» подчеркивали, что «наибольшие возражения вызывает оспаривание автором § 18 Брюссельского протокола,

²³ Ср.: <Ред. ст. Б/н.> // Московские ведомости. 1881. № 36. С. 2; Эндем Н.М. Военные газы // Двуглавый орел. Париж, 1929. № 26. С. 1248–1251.

²⁴ <Шуваловец.> Военная контрабанда с точки зрения общегосударственных русских интересов // Московские ведомости. 1904. № 254. С. 2; Международные договоры и Англия // Московские ведомости. 1900. № 242. С. 1; Международные договоры и Германия // Московские ведомости 1915. № 42. С. 1. См., напр., также: <Т.> Разрывные пули и война. Историко-медицинская справка по поводу международной конференции в Гааге // Московские ведомости. 1899. № 140. С. 3; <С.И.М.-в.> Библиография. О книге прив.-доц. Московского университета П.И. Числова «Современное право войны» (М., 1910) // Московские ведомости. 1911. № 14. С. 4.

²⁵ Мирная конференция // Московские ведомости. 1907. № 233. С. 1.

воспреещающего отдачу города, взятого штурмом, на разграбление солдатам, ибо “солдат должен быть награжден”». И именно потому, что исполнение этой, принятой международным сообществом, меры, полностью соответствующей как христианской морали, так и насущным интересам государства (поддержание дисциплины в войсках), может быть проконтролировано²⁶.

Но, отметим в заключение, это противоречие, на наш взгляд, было лишь внешним. Выразители рассматриваемого типа правопонимания все же не являлись правовыми нигилистами. Их нерасположение в конечном счете вызывало не столько международное гуманитарное право как таковое, сколько некритическая и вводящая в заблуждение переоценка его возможностей, а также недобросовестные попытки отдельных государств и их группировок использовать недостатки существующих правовых механизмов в ущерб остальным членам международного сообщества. Когда же консерватор убежден в принципиальной регулируемости данного аспекта вооруженных конфликтов юридическими средствами, он проявляет заботу о повышении работоспособности действующих правил и даже настаивает на дальнейшей разработке и принятии норм международного гуманитарного права.

²⁶ <Геф.> Право войны // Московские ведомости. 1900. № 189. С. 4. Ср.: Зыков А. Право войны, теория и положительное законодательство. СПб., 1900. С. 44–45.

International Humanitarian Law and Russian Conservatism (Summary)

*Aleksei S. Kartsov**

The article characterizes the approach of Russian conservative thought to the problem of legal regulation of armed conflicts.

As conservatives had little faith in the regulative potential of international public law as a whole, their approach to international humanitarian law was in line with this view. This weakness of faith in the possibility of universal peace enforced by exclusively legal means had a strong sociological, culturological and anthropological basis.

From the conservative point of view, limitations of international law, unlike those of national law understood as a “minimum of morality”, went beyond the requirements of Christian morality which was relevant for the conservative understanding of law. Therefore, the respect or non-respect of these limitations may be made totally dependent on the principle of reciprocity.

Conservatives had no doubts that the principle of reciprocity was crucial for fair international relations. In cases of violations of international law in general and international humanitarian law in particular the principle of reciprocity was interpreted as part of the responsibility mechanism. However, possible reprisals must not undermine the basis of State structure and contradict the basic legal principles of the State applying such reprisals.

On the one hand, during the whole period of the development of international humanitarian law (the last third of the 19th and the first quarter of the 20th century) the conservative approach to it did not change significantly. On the other hand, conservatives recognized the necessity of international conflicts and condemned States that gravely breached international agreements during armed conflicts; they welcomed practical achievements in the field of international humanitarian law.

* Aleksei S. Kartsov – Ph.D. in politics, Ph.D. in philosophy, Ph.D. in history, associate professor of the Chair of European studies of the faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University; Doctor of Laws’ candidate of the Moscow State Law Academy.

The conclusion is that the proponents of conservative understanding of law were not legal nihilists in their evaluation of international humanitarian law. Their criticism was levelled, finally, against uncritical and misleading overestimation of the potential of legal institutions and procedures, as well as against dishonest attempts by some States or groups of States to use the weaknesses of existing legal mechanisms to the detriment of the other members of the international community. However, when a conservative is convinced that an aspect of armed conflicts may be regulated by legal means he works towards making existing rules more efficient and even insists on further development and adoption of the rules of international humanitarian law.